

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vbcxzk>

Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи

Соколова Елена Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 4470-6451
<https://orcid.org/0000-0002-3374-6779>
sokolovapr@yandex.ru

Рассохина Ирина Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 5838-0314
<https://orcid.org/0009-0002-1199-7734>

Аннотация: В работе исследуются изменения в речевой культуре современной молодежи на примере эмпирического анализа отношения студентов гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета к ненормативной (обсценной) лексике в медиaprостранстве с целью анализа границ речевой нормы в студенческой и профессиональной коммуникации. Цель – выявить роль ненормативной лексики в контексте формирования современной социокультурной идентичности студенческой молодежи (на примере студентов старших курсов гуманитарного факультета СПбГЭУ). Новизна исследования заключается в комплексном изучении использования ненормативной лексики в студенческой среде и рассмотрении влияния обсценной лексики на формирование социальной идентичности студентов. Для изучения общественного мнения молодежи о месте ненормативной лексики в общественном пространстве коммуникаций и самоидентификации в данном поле языковой нормы было проведено исследование методом анкетного опроса, в котором участвовали 285 студентов. Работа позволяет понять роль данной лексики как средства выражения культурных и языковых ценностей, а также как фактора формирования и трансляции языковой культуры внутри современного студенческого сообщества, которое оказывает большое влияние на развитие современного русского языка в целом. Рассмотрены границы допустимости применения обсценной лексики в современных медиатекстах (ограничения приветствуются студентами в бизнес-литературе, документальном и художественном кино, театральных постановках, беллетристике и прочем; расширение границ речевой нормы признается учащимися допустимым в музыке тяжелых стилей, блогерстве, юмористических передачах). В результате выявлено, что использование ненормативной лексики рассматривается студентами как вариант речевой нормы языковой личности в обыденной речевой практике в качестве элемента социокультурной идентичности.

Ключевые слова: речевая норма, ненормативная лексика, социокультурная идентичность, студенческая молодежь, медиaprостранство, профессиональная коммуникация

Цитирование: Соколова Е. А., Рассохина И. Ю. Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 294–304. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-294-304>

Поступила в редакцию 30.06.2025. Принята после рецензирования 22.07.2025. Принята в печать 22.07.2025.

full article

Obscenities as Part of Socio-Cultural Identity of University Students

Elena A. Sokolova

St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg
eLibrary Author SPIN: 4470-6451
<https://orcid.org/0000-0002-3374-6779>
sokolovapr@yandex.ru

Irina Yu. Rassokhina

St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg
eLibrary Author SPIN: 5838-0314
<https://orcid.org/0009-0002-1199-7734>

Abstract: The paper examines the current changes in the speech culture of young Russians. The case study involved 285 students of the Department of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg. The survey tested their attitude to obscenities in various media to outline the boundaries of speech norms in everyday vs. professional communication, as well as to identify the place of obscene language in the socio-cultural identity of university students. Obscene vocabulary proved to be a means of expressing cultural and linguistic values. As a factor of transmitting linguistic culture within the student community, it demonstrated a profound impact on the development of the modern Russian language as a whole. The participants appreciated censorship in business literature, documentary and feature films, plays, and fiction but found it unnecessary in heavy-rock lyrics, blogs, and comedy shows. The university students considered obscene vocabulary as a variant of everyday speech norm typical of a certain class of linguistic personality with a particular socio-cultural identity.

Keywords: speech norm, obscene language, socio-cultural identity, university students, media space, professional communication

Citation: Sokolova E. A., Rassokhina I. Yu. Obscenities as Part of Socio-Cultural Identity of University Students. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 294–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-294-304>

Received 30 Jun 2025. Accepted after review 22 Jul 2025. Accepted for publication 22 Jul 2025.

Введение

В языкознании закрепилось понятие речевой нормы как постулата эталонного речевого поведения, компонентами которого являются соблюдение этикетной нормы (системы правил речевого поведения, установленных в обществе) и использование коммуникативных качеств хорошей и грамотной речи (правил построения письменного или устного текста, обеспечивающих его связность, цельность, адекватность ситуации и авторскому замыслу). Однако «в результате конкуренции очень разных установок по отношению к бытующим нормам и отклонениям от них в нашей науке устойчивым стало то компромиссное представление, что нормы отражают "языковое чутье": именно поэтому так подвижны эти нормы, меняющиеся в соответствии с тенденциями языка и речи» [Демьянков 2008: 54].

Речевая культура рассматривается нами как элемент социокультурной идентичности человека. «Феномен идентичности <...> – аспект самосознания индивида, переживания им своего "Я", что проявляется прежде всего в процессах речесмыслопорождения» [Пищальникова 2021: 106]. Под речевой культурой понимается социальный и духовный компонент общей культуры коммуниканта, который выражается в умении правильно (с учетом норм речевого этикета и языковых норм) формулировать свои мысли и доносить их до других людей на литературном языке. Однако в современной речевой культуре студенчества происходят серьезные изменения, одним из маркеров которых становится активное использование в молодежной среде ненормативной лексики (в качестве синонимов

термина *ненормативная лексика* в работе применяются термины *обсценная, нецензурная лексика*). Особое место и новые функции приобретает обсценная лексика, зачастую заменяющая в медиапространстве метафоры, профессионализмы и жаргонизмы, а также служащая способом выражения эмоций и оценок как положительных, так и отрицательных.

Формирующим условием трансформации речевой нормы в социокультурной студенческой среде сегодня является усиление воздействия практически не цензурируемого медиаконтента. В качестве новой речевой нормы студенческая молодежь воспринимает не научную, публицистическую или художественную литературу, а общественное медиапространство. Смысловое чтение серьезных текстов не привлекает большинство молодых людей, привыкших «скользить» по лонгридам в смартфонах или смотреть короткие видео развлекательного характера в социальных сетях. Именно по этой причине свои устные и письменные высказывания учащиеся зачастую строят, ориентируясь на речь популярных медийных персон, а не на нормы литературного русского языка, соотнося себя с новыми лидерами мнений. Одной из характеристик прецедентных медиатекстов (песен, фильмов, книг, блогов и пр.), популярных в среде молодежи, выступает активное использование в них нецензурной лексики, проникающее и в речь студентов и не воспринимаемое ими как серьезное нарушение нормы.

Предмет исследования – речевая культура как элемент социокультурной идентичности современной молодежи, нашедшая отражение в медиапространстве.

Цель работы – выявить роль ненормативной лексики в контексте формирования современной социокультурной идентичности студенческой молодежи (на примере студентов старших курсов гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)).

Актуальность темы обусловлена рядом факторов:

- изменение языковой нормы (интенсивное развитие цифровых коммуникаций способствовало стремительному распространению и закреплению обсценной лексики не только в устной коммуникации, но и цифровой);
- формирование социальной идентичности (исследование ненормативной лексики как фактора закрепления человека в социальной группе, как носителя определенного статуса и свободы самовыражения);

- социальные изменения (изменение оценки ненормативной лексики от табуирования до принятия нормы в языковой культуре студенческой молодежи важно исследовать для понимания последствий таких процессов для культуры, общества в целом).

Специальных исследований, посвященных изучению этимологии, функции в языке и специфике использования русской нецензурной лексики, не так уж много. Чаще всего обсценная лексика изучается как лингвистический или стилистический компонент русской речи [Бахтин 1979; Маковский 1996; Нилогов 2015; Уварова, Хлюстова 2008], а также рассматривается в контексте семиотики [Волошин, Политова 2018]. Однако есть работы, где ненормативная лексика изучается с учетом ее социальной и этической функции, ставится вопрос об экологии языка [Жельвис 1997; Попова 2009; Седов 1994].

Обобщая подходы разных авторов, можно резюмировать, что обсценная лексика – это особый сегмент разговорной речи, включающий в себя социально неприемлемые, непристойные и грубые слова и выражения, в том числе матизмы, использование которых часто ограничивается обществом для публичного употребления и считается нарушением этики и морали. Термин *мат* чаще используется применительно к русской культуре и представляет собой наиболее радикальную форму обсценной лексики, в основе которой лежат базовые матерные корни ограниченного круга употребляемых слов, отличающихся особой силой экспрессивности и степени запрещенности. Таким образом, обсценная лексика охватывает более широкий и универсальный пласт непристойных выражений, тогда как мат имеет более локальное историко-культурное значение и включает особую группу резко осуждаемых слов и выражений.

В нашей статье уделяется внимание и анализу аффективной языковой культуры общества с точки зрения использования студенческой молодежью табуированной лексики [Дементьев 2005; Демьянков 2008; Никитина 2020; Ковалев 2021].

Речевая культура человека тесно связана с понятиями Я-образа и социокультурной идентичности. Я-концепция (*Self-concept*) – это когнитивно-оценочный конструкт, совокупность представлений человека о самом себе, включая восприятие собственной личности, способностей, внешности, поведения, а также отношения к этим характеристикам. Я-концепция является внутренним каркасом идентичности, который включает осознание человеком

своей принадлежности к определенным социальным группам, ролям, культурам и ценностям. Идентичность может быть личностной, социальной, профессиональной, этнической и др. [Горбатова и др. 2024; Серый и др. 2020; Рассохина, Соколова 2024; Яницкий и др. 2018].

Под социокультурной идентичностью Н. М. Великая и А. А. Лисенкова понимают «комплекс ценностей и представлений определенной культуры в процессе накопления персонального и коллективного опыта» [Великая, Лисенкова 2023: 374]. Кроме этого, авторы обращают внимание на то, что «молодежь формирует новые гибридные формы цифровой идентичности в попытке найти опору в воображаемом мире глобального виртуального пространства, собирая в единый профиль разрозненные множественные идентичности» [Там же: 374–375].

Таким образом, изменение норм речевой культуры является актуальным вопросом в научном дискурсе и находит отражение в междисциплинарном пространстве исследований.

Принцип исторического оптимизма, долгое время являвшийся необходимой составляющей социального дискурса, сменяется в современных медиа скептицизмом и пессимизмом, что приводит к сокращению горизонта планирования, нигилистическому отказу от любых идеалов и активному использованию деструктивной лексики, в том числе нецензурной. Употребление подобной лексики молодежью в общественных местах является показателем снижения общей культуры, а также признаком изменения границ речевой нормы. Ю. К. Волошин и Е. А. Политова указывают, что «изменение социальной оценки мата в конце XX – начале XXI века привело к тому, что данная лексика перестала восприниматься как непристойная» [Волошин, Политова 2018: 84]. Такие тенденции негативно сказываются на уровне владения национальным языком, «поднимают на поверхность» богатый арсенал слов с отрицательной коннотацией, подменяют собой богатство русской речи в случаях даже положительной эмоциональной оценки происходящего. В итоге этимологически негативная лексика в современном речевом поведении молодежи обретает новую, положительную коннотацию.

Ориентация на образцы речевого поведения в медиапространстве привела к еще одному явлению в языковой среде студенческой молодежи. В современном научном дискурсе появился новый термин – *студенческий речевой антиэтикет*, под которым понимается «использование

категоричных по своему выражению студенческих высказываний, выдержанных в широком диапазоне отрицательно-оценочной тональности (от недоумения до упрека)» [Никитина 2020: 96]. Обучающиеся «демонстрируют речеповеденческие предпочтения, в том числе противоречащие существующим этикетным нормам и ведущие к деструкции педагогической коммуникации. Несоблюдение сложившихся правил речевого взаимодействия, пренебрежение этикетными формулами, отсутствие внимания к выбору языковых средств с учетом жанровой и ситуативной специфики коммуникации разрушают институциональную сущность педагогического дискурса» [Там же: 96–97].

Наряду с речевым антиэтикетом, иллюстрации которого в педагогическом дискурсе наглядно представлены Л. Б. Никитиной, использование молодежью обценной лексики даже в официальной ситуации общения становится регулярным, что говорит о серьезных изменениях в выполнении традиционных требований к речевой культуре и речевому этикету в педагогическом дискурсе. Студенты вербализируют свою речевую экспрессию в привычной многим, как свидетельствуют результаты социологического исследования, нецензурной форме, например, на полях распечатанного индивидуального задания, в обсуждении с одноклассниками объема полученного задания или его содержания, на партах и стенах учебного заведения, а также в социальных сетях и группах (например, «Подслушано»).

Стыд как проявление чувства «сильного смущения, неловкости, ощущения крайнего морального дискомфорта от сознания недолжного характера своих или чьих-либо действий, своего или чьего-либо поведения, их несоответствия нормам нравственности, порядочности ("нутренняя исповедь перед совестью" В. И. Даль)» [Морковкин и др. 2018: 451] перестает распространяться на нарушение речевых норм.

Л. Б. Никитина отмечает: «Студенческий антиэтикет неоднороден как по степени его проявления (от фамильярности до агрессивного выпада), так и по причинным показателям (от случайной невнимательности до сознательного пренебрежения этикетными нормами). Многие из того, что несколько десятилетий назад применительно к педагогическому дискурсу считалось однозначно неприличным и получало общественное порицание, стало "простительным", привычным и даже общепринятым, а граница между вежливым и невежливым применительно к ряду ситуаций стала

размытой» [Никитина 2020: 96]. В других исследованиях также отмечается, что большая часть молодежи воспринимает использование нецензурной лексики как один из вариантов современной речевой нормы [Волошина и др. 2025; Горбатова и др. 2024].

Об изменении речевых норм в массовой культуре свидетельствует появление таких книг, как «Хулифак» и «Хулиномика» Алексея Маркова, известных музыкальных композиций Григория Лепса, Егора Крида, Сергея Шнурова и других, а также высказываний блогеров (Арсений Лебедев, Сергей Минаев), которые являются популярными в том числе потому, что активно используют ненормативную лексику.

Важным вопросом для изучения остается неоднозначная трактовка понятия *матерная брань* и возможности ее использования в повседневной коммуникации и научном дискурсе. Например, Г. Ф. Ковалев полагает, что «вся древняя, сейчас нецензурная, лексика в далеком прошлом была общеславянской, сакральной и ни в коем случае не ругательной или низкой. Это в равной мере относится и к собственно "матерному" выражению, и к лексике, обозначающей порождающие органы человека» [Ковалев 2021: 175]. Есть в его работе и аргументированное объяснение использования мата молодежью: «Во многом распространению мата способствовало не только отсутствие должного уровня культуры пользования им, но и официальный на него запрет. Запретный плод сладок, особенно для людей, только входящих в общественную жизнь. Подросток, употребляя бранную лексику, как бы приобщается к кругу "взрослых" людей, которым "по закону" разрешается выражаться намного свободней, нежели молодым. С другой стороны, мощный потенциал неприличных слов в семантике, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить все, что они пожелают» [Там же: 176]. Автор приходит к выводу: «Конечно, мат, безусловно, должен быть исключен из обычной речи в нашем обществе. <...> Вся "нехорошая" лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков, поэтому негоже лингвистам отворачиваться от нее. Писателям же можно ею пользоваться только тогда, когда без нее теряется содержательность и образность произведения» [Там же: 181].

Исследуя специфику формирования социокультурной идентичности современной молодежи,

Н. М. Великая и А. А. Лисенкова обращают внимание на ее гибридный характер. Так, в условиях высокого уровня изменений – глобализации, цифровизации коммуникации, технологических изменений и социальной нестабильности – формируется новый тип гибридной идентичности [Великая, Лисенкова 2023: 376–377]. Современная молодежь не может не реагировать на изменения в мировой коммуникативной среде, медиапространстве и образовательной среде, что находит отражение в трансформации ее социокультурной идентичности.

Методы и материалы

Для исследования общественного мнения молодежи о месте ненормативной лексики в общественном пространстве коммуникаций и самоидентификации в данном поле языковой нормы в январе – феврале 2025 г. было проведено исследование методом анкетного опроса с помощью сервиса Google Форм. Выборку составили студенты гуманитарного факультета СПбГЭУ направления «Реклама и связи с общественностью». Всего опрошено 285 человек, из них 207 женщин (72,6 %) и 78 мужчин (27,4 %) в возрастных группах: 18–19 лет – 116 человек (40,7 %); 20–21 год – 128 (44,9 %); 22–23 года – 41 (14,4 %). Гендерный дисбаланс выборки обусловлен неравномерностью студенческого состава гуманитарного факультета. География проживания респондентов широкая: Санкт-Петербург (23 человека), Иркутск (4), Челябинск (3), Уфа (3), Саратов (3), Сургут (3), Калининград (2), Петрозаводск (2), Киров (2), Сочи (2), Ставропольский край (2), Великий Новгород (2), Надым (2), Южно-Сахалинск (3), Москва и другие города России (229).

Результаты

Мнение студентов о допустимости матерной брани в современных медиатекстах разделилось: больше половины – 190 студентов (66,7 %) – ответили, что желание употребить обсценную лексику зависит от контекста и целевой аудитории; категорически не допускают ее использования – 67 (23,5 %); допускают в редких случаях – 25 (8,8 %); также есть отдельные ответы, которые допускают применение мата в зависимости от контекста, но считают, что его надо минимизировать и не допускать агрессии в отношении отдельных групп людей (1 %).

Если проранжировать распределение ответов на вопрос *В каких сферах, по Вашему мнению, использование ненормативной лексики усиливает*

воздействие, а следовательно, продиктовано целями медиатекста?^{*}, получится следующее: 1 место – политика (45,6 %); 2 – культура (36,8 %); 3 – силовые структуры (31,6 %); 4 – строительство (29,1 %); 5 – экономика (20,7 %). Отдельные ответы охватывают сферы личного общения, блогосферу, рекламу, юмор, новые СМИ и пр. Тот факт, что сфера культуры вышла на 2 место после политики, указывает на смещение социокультурных ориентиров молодежи, на значительное количество медиатекстов с обценной лексикой в поп-культуре.

На вопрос *Какие функции обценная лексика выполняет в современной медиакультуре?*^{*} получили следующее распределение ответов (рис. 1).

В контексте высокого информационного шума в медиапространстве приходится бороться за внимание аудитории, поэтому особую ценность приобретают различные инструменты привлечения и удержания внимания. В вопросе *Какие приемы выразительности в медиатексте, по Вашему мнению, оказывает более сильное воздействие на молодежную аудиторию?*^{*} ответ нецензурные выражения занял 4 позицию. В целом ответы распределились так: юмор и мемы – 242 человека (84,9 %); креатив – 159 (55,8 %); жаргонизмы – 109 (38,2 %); нецензурные выражения – 104 (36,5 %); яркие стикеры – 45 (15,8 %); эротика – 42 (14,7 %); эмодзи – 33 (11,6 %) и др.

Исследуя личные границы языковой нормы, мы обратились к обыденной языковой практике респондентов. Примерно половина студентов (51,2 %) признаются, что редко, но используют ненормативную лексику в личном общении, часто используют – 41,8 %, и только 7 % совсем не используют матерные слова.

На вопрос *Для выражения каких эмоций Вы обычно используете нецензурные выражения?*^{*} ответы

распределились таким образом: для выражения злости – 173 человека (65,3 %); для демонстрации агрессии – 125 (47,2 %); для выражения разочарования – 109 (41,1 %); для выражения любых эмоций – 105 (39,6 %); для выражения радости – 94 (35,5 %); как слова-связки в предложениях – 42 (15,8 %); для демонстрации силы – 27 (10,2 %); из других вариантов предложены такие, как *для общения с представителями низкообразованных социальных групп; для усиления эмоциональности; для выражения «грусти», демонстрации «юмора», «удивления»* и пр.

Студентам было предложено назвать ситуации или случаи, в которых обычно респонденты используют нецензурные выражения^{*}. Большая часть ответов связана с нестандартными ситуациями, а другая – с контекстом самой коммуникации и профилем коммуникантов, а именно: в экстремальных ситуациях – 150 человек (56,6 %); в случае, если попал в компанию, где все используют нецензурную лексику – 87 (32,8 %); в спорах с человеком, который «другого языка не понимает» – 64 (24,9 %); в любых ситуациях – 64 (24,2 %); за рулем – 57 (21,5 %). В числе других вариантов называют такие: *в случае, если я чего-то испугаюсь; там, где это могло быть уместно; для гиперболизации, приукрашивания истории; ради шутки, создания атмосферы расслабленности* и пр.

Анализируя влияние социально-культурной ситуации на формирование языковой идентичности, важно учитывать также роль окружения. Студентам предлагалось субъективно оценить, сколько человек из близкого окружения активно использует матерную брань в личном общении (рис. 2).

В ситуации, когда окружение достаточно активно использует ненормативную лексику, интересным представляется аспект готовности к потреблению

Рис. 1. Функции нецензурной лексики в современной медиакультуре, количество респондентов
Fig. 1. Functions of obscene language in media culture, number of respondents

¹ Здесь и далее вопросы, отмеченные *, маркируют возможность респондентов выбрать несколько вариантов ответа.

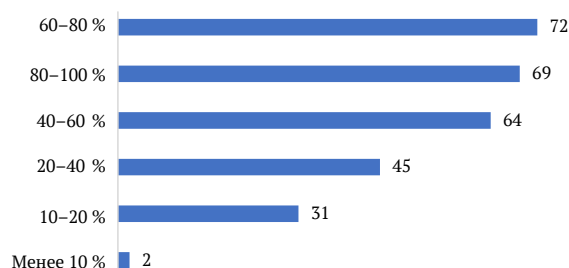

Рис. 2. Доля окружения, использующего нецензурную лексику в личном общении, количество респондентов
Fig. 2. Proportion of obscene language users in the immediate social circle, number of respondents

соответствующего контента. Студентов попросили дать субъективную оценку допустимого примерного объема ненормативной лексики в медиатекстах при чтении, прослушивании и просмотре*. Так, выбор в пользу медиатекстов, не содержащих нецензурную лексику (ее наличие составляет 0 %), делают 35 человек (12,3 %). Остальные респонденты допускают наличие обценной лексики в медиатекстах: 1 (0,4 %) из них примерно на 0-5 %; 136 (47,7 %) – на 5-10 %; 58 (20,4 %) – на 10-20 %; 29 (10,2 %) – на 20-30 %; 10 (3,5 %) – на 30-40 %; 7 (2,5 %) – на 40-50 %. Другие варианты ответов: *не принципиально*²; *не имеет значения, есть ли ненормативная лексика; в любом; немного, либо средне, если это уместно; без разницы; зависит от типа контента, но нельзя переходить границы нормы; без разницы, хоть 80 %*.

На вопрос *Какие медиатексты, содержащие ненормативную лексику, Вы согласны использовать для чтения, прослушивания и просмотра?** было получено такое распределение ответов: 1 место – мемы (69,8 %); 2 – музыка (68,8 %); 3 – блоги (61,1 %); 4 – чаты (57,5 %); 5 – художественные фильмы (51,9 %); 6 – театральные постановки (21,1 %); 7 – беллетристика (романы, повести, рассказы) (18,6 %); 8 – поэмы, стихи (17,2 %); 9 – документальные фильмы (15,1 %); 10 – бизнес-литература (7,7 %). Ответ *выбираю тексты, не содержащие ненормативную лексику*, дали 10,2 % респондентов.

Ответы на вопрос *В каких медиатекстах, по Вашему мнению, недопустимо использовать ненормативную лексику?** представлены на рисунке 3. В выборку не вошли следующие свободные и интересные ответы студентов: *все, кроме текстов государственных органов; любой медиатекст; политическая сфера, научная сфера; религиозные, новостные; перед родителями*.

Рис. 3. Допустимость использования нецензурной лексики в различных медиатекстах, количество респондентов
Fig. 3. Permissibility of obscene language in various media, number of respondents

Для выявления нормативной границы респондентам было предложено определить, в каких случаях недопустимо использование нецензурных выражений*. Традиционные ситуации по-прежнему более табуированны, но распределение ответов показало значительную гибкость в определении нормы: 1 место – в разговоре с детьми (58,9 %); 2 – в общении с пожилыми людьми и в общении с незнакомыми людьми (по 53,7 % соответственно); 3 – в театре, музее, на выставке (52,6 %); 4 – в разговоре с родителями (38,9 %) и в университете (38,6 %); 5 – на работе, в профессиональной среде (33,3 %) и в общественном транспорте (33 %); 6 – в семье (30,9 %); 7 – на свидании (20,7 %); 8 – в кафе, ресторане (20 %); 9 – во всех случаях (19,6 %); 10 – в общении с противоположным полом (4,9 %). Также были представлены другие варианты: *мат недопустим много где, но все зависит от контекста; везде можно, но тихо*.

Большую популярность в молодежной среде набрала блогосфера. В последнее время использование нецензурной лексики распространилось у блогеров и известных личностей. Мы попросили участников опроса определить основную причину этого явления. Ответы распределились следующим образом: желание показать себя независимым от общей морали – 85 человек (29,8 %); низкий уровень общей культуры – 60 (21,1 %); желание

² Здесь и далее в примерах сохранены авторские орфография и пунктуация.

подняться на хайпе без особо глубокой идеи – 52 (18,2 %); следование тренду – 41 (14,4 %); хамство и распушенность – 13 (4,6 %). Варианты ответов *другое* достаточно обширны и разнообразны: *здесь нет желания доказать что-то, просто использовать мат стало можно и люди перестали притворяться; мат помогает точнее выражать эмоции, и сейчас, когда это не особо порицается, медийные личности перестали бояться использовать мат в своей речи, таким образом они меньше загоняют себя в рамки, т.е. становятся более открытыми и близкими к аудитории; свобода слова; это обыденность; вызвать доверие у аудитории, формирование доверительного имиджа, придание тексту юмора; открытость к аудитории и пр.* В основном открытое мнение показывает, что нецензурная лексика – это новая норма, которую приняло большинство. И второй важный аспект, выявленный опросом, – определение новой функции обценной лексики – формирование доверительного общения с аудиторией, а не проявление антагонизма или привлечение внимания.

По результатам открытого вопроса мы собрали список наиболее повторяющихся имен популярных в молодежной среде персон, использующих ненормативную лексику (блогеров, певцов, актеров, на которых респонденты подписаны в соцсетях). В числе музыкантов, популярных певцов встречаются такие имена, как Егор Крид (12 упоминаний), Филипп Киркоров (6), Сергей Шнуров (4), Роман Каграманов (2), Баста (2), Тимати (2), Лолита (2), Леди Гага (2), Рита Дакота (2) и др.; рэперы: OG Buda (4), Паша Техник (4), Макан (3), Icegergert (3), Bushido Zho (2), Face³ (2), Big Baby Tare (2), Джиган (2) и т.д. В список наиболее популярных блогеров попали Артемий Лебедев (22), Алексей Жидковский (18), Михаил Литвин (7), Дмитрий Куплинов (6), Илья Exile (6), Брайн Мапс (4), Александр Зубарев (3), Дмитрий Масленников (3), Дмитрий Журавлев (3), Катя Клэп (3), Саша Спилберг (2), Илья Белов (2); телеведущие: Настя Ивлеева (6), Ксения Собчак (5), Ольга Бузова (4), Юлия Пушман (2), Отар Кушанашвили и др.; актеры: Илья Сатир (2), Иван Янковский (2); стендап комики: Гарик Харламов (6), Нурлан Сабуров (4), Алексей Щербаков (3), Олеся Иванченко (3), Данила Поперечный⁴ (2), Иван Усович (2), Денис Дорохов (2), Гурам Амарян (2), Сергей Орлов (2). Таким образом, в медиапространстве в контексте использования нецензурной

лексики большее влияние на молодежь оказывают музыканты, блогеры и комики.

Несмотря на то что большая часть опрошенных студентов достаточно лояльно относится к употреблению нецензурной лексики как в личном коммуникативном поле, так и в общественном, тем не менее более половины респондентов (52,3 %) признают, что использование обценной лексики в современном медиаконтенте снижает общий уровень культуры населения; 42,5 % считают, что это никак не влияет на уровень общей культуры, а 5,3 % думают, что ненормативная лексика даже повышает уровень культуры.

Поскольку выборку исследования составили студенты сферы профессиональных коммуникаций, нам важно было установить отношение к этическим критериям использования обценной лексики в профессиональной деятельности. На вопрос *Как Вы считаете, важно ли обсуждать в профессиональной среде и вводить этические ограничения на использование ненормативной лексики в профессиональной деятельности специалистов по связям с общественностью?* большинство отвечает, что такие языковые границы нормы все-таки следует обсуждать, что демонстрирует готовность ответственно подходить к профессиональным задачам. Так, более половины участников опроса выбрали вариант ответа: *скорее важно, чем неважно* – 162 человека (56,8 %); *очень важно* – 67 (23,5 %); *скорее неважно, чем важно* – 50 (17,5 %); *совсем неважно* – 6 (2,1 %).

В завершение опроса было предложено высказать личное мнение или предложения по теме обсуждения этических границ использования обценной лексики в деятельности профессиональных коммуникаторов. В данном разделе предложения и рекомендации разделились на три части: за, против и воздержались. Первая позиция выступает за ужесточение использования ненормативной лексики: *мне кажется, нужно всем взять некий контроль над всей речью и минимизировать ненормативную лексику; профессиональные коммуникаторы не должны использовать мат; я считаю, что важно иметь табуированные темы и слова, не подходящие под профессиональную сферу. Например, ограничение ненормативной лексики, девиантное негативное поведение и подобное.*

Вторая позиция (самая слабая по количеству высказываний) выступает за свободу от ограничений:

³ Признан иноагентом на территории РФ.

⁴ Признан иноагентом на территории РФ.

думаю, использование обценной лексики не является показателем культуры человека; обценная лексика никак не влияет на культуру человека; допустимо, уместно использование и от человека, которому подходит подобные выражения.

Студенты, придерживающиеся нейтральной позиции (пожалуй, самая популярная), отмечают, что при общих ограничениях допустимо включение обценной лексики в определенный контекст: важно знать меру использования и свою аудиторию; обценная лексика первоначально должна изучаться, а потом уже ограничиваться; четкое определение границ «ненормативной лексики», какие слова и фразы можно к ней приравнивать, а какие допустимы; использование лексики по возрастам или профессиям (соц. опрос, исследование), употребление «запретных» выражений для психологии человека; матерюсь, матерятся вокруг, но все четко осознаем, что эти слова значат, а также используем в обстоятельствах, где это уместно, фильтр речи надо уметь включать; важно обсуждать границы дозволенного в профессиональной среде, например: мат и табуированные темы.

Заключение

Границы речевой нормы в аспекте использования обценной лексики студенческой молодежью как в бытовом, так и профессиональном общении размыты. Формирующим условием такой ситуации становится трансформация нормы медиаконтента и границ социокультурной идентичности. В качестве новой речевой нормы студенческая молодежь воспринимает не академический дискурс, а общественное медиапространство. Однако лояльное отношение к использованию ненормированной лексики в блогосфере, музыке, художественных фильмах сменяется более высокими требованиями с точки зрения речевой нормы к таким жанрам общественного контента, как театр, документальные фильмы, книги. Важно отметить, что студенты направления «Реклама и связи

с общественностью», несмотря на свою симпатию к медиатекстам, содержащим ненормативную лексику, выступают противниками ее использования в профессиональной коммуникации.

Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи используется не только с социальной целью демонстрации приобщения молодежи к сообществу взрослых людей, с лингвистической целью замены метафор, профессионализмов и жаргонизмов, выражения эмоций и оценок, но и с коммуникативной целью снятия барьеров и создания атмосферы доверия. Опираясь на полученные данные, можно выступить с инициативой разработки этического кодекса использования нецензурной лексики в обучении и подготовке профессиональных коммуникаторов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Благодарности: Авторы выражают благодарность студентам гуманитарного факультета направления «Реклама и связи с общественностью» Санкт-Петербургского государственного экономического университета за участие в анкетном опросе.

Acknowledgments: The authors would like to thank the students of the Humanities Faculty of Advertising and Public Relations, St. Petersburg State University of Economics, for participating in this survey.

Литература / References

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества М.: Искусство, 1979. 423 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 423. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmufp>
- Великая Н. М., Лисенкова А. А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023. Т. 16. № 4. С. 374–390. [Velikaya N. M., Lisenkova A. A. Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, 16(4): 374–390. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402>

- Волошин Ю. К., Политова Е. А. Семиотика и обценная лексика. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 4. С. 82–88. [Voloshin Yu. K., Politova E. A. Semiotics and obscene vocabulary. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2018, (4): 82–88 (In Russ.)] [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4\(32\)-82-88](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-4(32)-82-88)
- Волошина А. С., Смердова М. Н., Стурова Е. В., Степанова И. С. Исследование ненормативной лексики у студенческой молодежи. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2025. № 2. С. 13–20. [Voloshina A. S., Smerdova M. N., Sturova E. V., Stepanova I. S. A study of foul language among student youth. *Health, Physical Culture and Sports*, 2025, (2): 13–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjrtxv>
- Горбатова М. М., Билан М. А., Ермолаева Е. Н. «Я-образ» современной студенческой молодежи в пространстве виртуальной коммуникации. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2024. № 3. С. 362–373. [Gorbatova M. M., Bilan M. A., Ermolaeva E. N. "Self-image" of modern students in virtual communication. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia*, 2024, (3): 362–373. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-362-373>
- Дементьев В. В. Брань и межличностные отношения. *Злая лая матерная...*, ред. В. И. Жельвис. М.: Ладомир, 2005. С. 35–55. [Dementiev V. V. Swearing and interpersonal relations. *Angry swearing...*, ed. Zelvis V. I. Moscow: Ladomir, 2005, 35–55. (In Russ.)]
- Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского языка. *Лингводидактика. Социоллингвистика. Языки мира*, отв. ред. Т. Б. Крючкова. М.: Советский писатель, 2008. С. 50–61. [Demyankov V. Z. On strategies for rationing the Russian language. *Linguodidactics. Sociolinguistics. Languages of the world*, ed. Kryuchkova T. B. Moscow: Sovetskij pisatel, 2008, 50–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scefdx>
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. 330 с. [Zelvis V. I. *Battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world*. Moscow: Ladomir, 1997, 330. (In Russ.)]
- Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния. *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 3. С. 175–196. [Kovalyov G. F. Russian obscenities, as part of the national heritage. *Rossiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2021, 10(3): 175–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.3.4>
- Маковский М. М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: ИРЯ РАН, 1996. 329 с. [Makovsky M. M. *Language – myth – culture: Symbols of life and the life of symbols*. Moscow: RLI RAS, 1996, 329. (In Russ.)]
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018. 1451 с. [Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutskaia N. M. *A large universal dictionary of the Russian language*. Moscow: AST-Press School, 2018, 1451. (In Russ.)]
- Никитина Л. Б. Антиэтикет в педагогическом дискурсе. *Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования*. 2020. № 2. С. 93–97. [Nikitina L. B. Anti-etiquette in pedagogical discourse. *Review of OGPU. Humanitarian Research*, 2020, (2): 93–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-27-93-97>
- Нилогов А. С. Что такое философия антиязыка? *Современный дискурс-анализ*. 2015. № 1. С. 4–14. [Nilogov A. S. What is the philosophy of antilanguage? *Sovremennyy diskurs-analiz*, 2015, (1): 4–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhdxkd>
- Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психоллингвистическое исследование личностной идентичности. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2021. № 2. С. 105–117. [Pishchalnikova V. A. Associative experiment and psycholinguistic research of individual identity. *Vestnik of MSLU. Humanities*, 2021, (2): 105–117. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_2_844_105
- Попова Е. А. О сквернословии. *Русская речь*. 2009. № 1. С. 48–52. [Popova E. A. On profanity. *Russian speech*, 2009, (1): 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/juuwmv>
- Рассохина И. Ю., Соколова Е. А. Проектная деятельность в рамках учебных дисциплин как фактор развития профессиональной идентичности студентов. *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2024. № 1. С. 97–107. [Rassokhina I. Yu., Sokolova E. A. Project activity within the framework of academic disciplines as a factor in the development of students' professional identity. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, 2024, (1): 97–107. (In Russ.)] https://doi.org/10.54509/22203036_2024_1_97

- Седов К. Ф. Русский мат и уровни становления языковой личности. *Дом бытия. Лингвофилософский альманах*. М., 1994. Вып. 1. С. 31–40. [Sedov K. F. Russian obscene language and the levels of formation of linguistic personality. *The house of being. Linguistic Philosophy Almanac*. Moscow, 1994, iss. 1, 31–40. (In Russ.)]
- Серый А. В., Яницкий М. С., Браун О. А. Смысловая обусловленность структуры Я-концепции студенческой молодежи. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2020 № 3. С. 597–607. [Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Braun O. A. Dependence of the students' self-concept structure on their meaning-of-life orientations. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2020, (3): 597–607. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2020-3-15>
- Уварова Л. Р., Хлюстова Д. С. Обценная лексика подростков и молодежи как социально-педагогическая проблема. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2008. Т. 14. № 6. С. 46–50. [Uvarova L. R., Khlyustova D. S. Obscene vocabulary in teenagers and youth as a socio-pedagogical problem. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologija. Socialnaja rabota. Juvenologija. Sociokinetika*, 2008, 14(6): 46–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muqkzl>
- Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Динамика структуры идентичности личности в процессе профессионального обучения. *Герценовские чтения: педагогические исследования в образовании*. 2018. № 1-1. С. 143–149. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A. Dynamics of the structure of personal identity in the process of professional training. *The Herzen University Conference on Psychology in Education*, 2018, (1-1): 143–149. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtboii>